
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Сергей Даштамиров
(п. Каменоломни, Ростовская область)

ПУШКИНСКАЯ ПРОЗА ОНЕГИНСКОЙ СТРОФЕЙ

Сергей Сергеевич Даштамиров — поэт, прозаик, журналист, издатель и главный редактор литературной газеты «Донские волны» и литературно-художественного альманаха «Донская сотня». Член Академии российской литературы, Российского союза писателей и Союза писателей Дона, член редакционного совета Вестника Академии российской литературы «Московский Парнас». Родился в 1951 году в городе Грозном, с 1977-го проживает в Ростовской области. Кадровый офицер, подполковник в отставке. Публиковался в периодических изданиях и коллективных сборниках. Издал пять авторских сборников стихов и прозы.

ВЫСТРЕЛ

К читателю

I

Я покусился на святое!
Меня прости, читатель мой:
Да допустимо ли такое —
Писать онегинской строфой?
Взял прозу Пушкина в «подстрочник»
(Для вдохновения источник
И лучшей пищи не найти!) —
Решил в стихи перевести.
Признаюсь честно: было сложно.
Но я старался, видит Бог!
Я сделал все как смел, как смог,
Но вам придется — все возможно! —
Отбросить смятые листы
С неясным чувством пустоты!

II

Но даже, если так случится,
Я благодарен буду вам
За то, что смятые страницы
Вы все ж прочли. Мои слова —
Для размышлений дали пищу.
Быть может, кто-нибудь отыщет
Моих стихов неверный строй —
Ну что ж, случается порой!
Быть может, кто-то посмеется
Над тем, что может вызвать смех,
Мы знаем: добрый смех — не грех.
Пусть проза со стихом сольется!
Мне гений Пушкина дал знак.
И я решил: пусть будет так!

Часть первая

I

Порой скучна жизнь офицера.
В местечке N стоял наш полк.
С утра маневры на пленэре* —
Без жаркой драки, что в них прок?!
Потом обед у командира,
А то — в прокуренном трактире,
Где вечерами мы к тому ж
Играли в карты, пили пунш...
Мы собирались друг у друга,
Стремясь веселым звоном чаш
Досуг хмельной украсить наш.
Иного не было досуга:
Здесь нет балов и нет невест
За все двенадцать верст окрест.

II

Кутили мы, о том не зная,
Что в жизни все имеет срок.
Кипела в жилах кровь молодая,
Лозы хмельной бродил в ней сок.
Но видеть мы могли в трактире
Свои лишь пыльные мундиры...
Гражданский был среди нас один,
Весьма угрюмый господин.
Имел он сильное влиянье
На неокрепшие умы.
С ним спорить не решались мы,
Предпочитая возлиянье...
О нем отдельно, мой читатель.
(Его портрет здесь будет кстати!)

* Пленэр — от франц. *en plein air* — «на открытом воздухе».

III

По меркам всем он жил аскетом,
По преимуществу молчал,
Был нелюдим, но все ж при этом
Нас, полковых, всех привечал:
В домишке скромном под ракитой
Держал для нас он стол открытый.
Уже не молод, и не стар
(По слухам, сам был из гусар).
Известно, есть такие люди:
Один лишь взгляд — и ясно вам,
Что будут лишними слова —
Как он решил, так все и будет!
Одним из них был наш «аскет»,
В чем у меня сомнений нет.

IV

Никто его судьбы не ведал,
Не мог постичь аскета суть:
Ведь не возможно за обедом
Так просто в душу заглянуть.
Нам отставной солдатик Кузька
Однообразные закуски:
Котлеты, рыбу, например,
Готовил сам — на свой манер...
Пусть скромным было угощенье,
Зато шампанское — рекой!..
Здесь находили мы покой,
Забыв занудное ученье...
Хозяин наш был не святой:
И злой язык, и нрав крутой.

V

К барьеру стать с ним не хотелось.
Я видел: муху на стене
Он метко бьет, совсем не целясь.
И объяснимо то вполне:
В его стенах сидели пули,
Как будто это — пчелы в улье!
Да, уважали мы его
За это чудо-мастерство!
Когда он грушу сбить с фуражки
Нам предложил бы как игру,
Под этот выстрел, я не вру,
Любой шагнул бы без опаски.
Его открою имя я:
Он звался Сильвио, друзья.

VI

Да, Сильвио... Но, правда, в нашем
Кругу отъявленных повес,
Поскольку был он много старше,
Мы с уваженьем звали С*.
Пешком ходил он постоянно.
На нем нам видеть было странно
Его изношенный сюртук,
Сапог истершийся каблук...
Ему, казалось, безразлично
Все в этом мире, этот мир...
Он ждал чего-то, наш кумир,
И это было тайной личной.
Но кто спросить о ней бы мог?
Еще убьет, помилуй Бог!

VII

Мы бурно время прожигали!
Нас вам, столичным, не понять!
Вы там мазурку танцевали,
Мы кисли здесь — по деревням!
Мы — молодые офицеры,
Стремясь высот достичь карьеры,
Своих амбиций не стыдись,
Месили грязь — и граф, и князь!
Нам смерти страх совсем не ведом:
Ведь мы — наследники побед,
Тех, что добыл наш славный дед,
Завещан путь победный дедом!
Пусть помнит мир, пусть знает свет:
Не посрамим мы эполет!

VIII

У нас бывали часто сходки
У С* за чашею вина,
За картами, за рюмкой водки...
Была компания шумна.
Вели мы громко разговоры,
То были дружеские споры —
«Безделье молодых умов,
Забавы взрослых шалунов»*.
Но Сильвио, что было странно,
От нас держался в стороне.
Однажды приоткрылась мне
Его души большая тайна.
Не забегаю наперед:
Придет разгадке свой черед.

* Цитата из «Евгения Онегина».

IX

К нам прибыл в полк курьер столичный:
Из штаба почту привезли.
Мы пили много. Как обычно!
Играли в карты, спор вели...
Но вот штабной загнул валета.
Конечно, С* заметил это
И на доске исправил счет.
В парах вина, розовощек,
Вспылил поручик из столицы.
Банкер и вида не подал:
Спокойно дальше банк метал,
В ответ не позволяя злиться.
Мы ждали: чьи же крепче нервы
И кто из них взорвется первым.

X

Штабной пустился в объясненья,
Твердил, что Сильвио не прав.
Но тот умел хранить терпенье,
Не выдавал суровый нрав.
Меж тем спокойно и умело
Он банкомета правил дело,
Вел счет по правилам своим.
(Мы уж давно смирились с ним,
Но ново было для штабного).
Поручик злился, был взбешен,
А офицеры — так еще
Над ним смеялись нездорóво:
Ведь назревающий скандал
Нам крепко нервы щекотал.

XI

Уже заканчивался вечер.
Банкер спокойно банк метал.
Понтер пустил в него подсвечник —
Тяжелый бронзовый шандал.
Поступок совершенно дикий —
Им не избежать поединка!
Поручик это понимал —
Он в пламя масло подливал.
И было некуда деваться:
Увидев Сильвио глаза,
Поручик вышел, но сказал,
Что с ним всегда готов стреляться.
А мы все ржали, жеребцы, —
Зачли штабного в мертвецы.

XII

Рассветом новый день забрезжил.
Три дня прошло — поручик жив!
И зло трепались мы в манеже:
«Уже ль прощенье заслужил?»
Хотелось в этом разобраться:
«Не будет Сильвио стреляться?
А как же долг?.. А как же честь?..» —
Вопросов было нам не счесть...
Но кто б осмелился, к примеру,
Сказать, покручивая ус,
Ему в лицо, что С* наш — трус?
Рискнул бы кто с ним стать к барьеру?
Непримирима молодежь,
Но Сильвио простила все ж...

XIII

Заметил я, что охладели
К нему ревнивцы эполет.
Но это были в самом деле
Издержки наших юных лет.
Я тоже впал в недоуменье
И сторонился с С* общенья:
Остаться с ним наедине
Совсем теперь не льстило мне.
Казалось внешне: как и раньше,
Мы проводили вечера —
Вино, картежная игра
И отношения без фальши,
Но каждый про себя твердил:
«Уж я бы точно не простил!»

XIV

Вернуть бы годы молодые,
Горячность наших юных лет —
Хондроз, склероз, стенокардия
Несут гораздо больше бед!
Но, по оружию собратья!
Бездумно молодость растратив
В свои осьмнадцать-двадцать лет,
Не станем мы о том жалеть,
Когда предстанем перед Богом,
Когда придет за нами Смерть,
Чтоб в души наши посмотреть.
Пусть мы взгрустнем, мой друг, немного,
Что вспоминать о той поре? —
С годами станем мы мудрей!

XV

Во вторник, в пятницу все ждали
Мы писем, денег и газет.
И вот однажды в канцелярии
Был Сильвио вручен пакет.
Сорвал печать он в нетерпенье
(Так было велико волненье),
Прочел... И с жарким блеском глаз
Торжественно взглянул на нас:
— Друзья! Я нынче ночью еду!
Есть неотложные дела...
Меня фортуна позвала.
И я вас всех прошу к обеду!
Конечно, все мы собрались —
Гуляй, банкуй и веселись!..

XVI

К друзьям моим примкнул я позже.
Собрался здесь почти весь полк...
Подумалось: наверно, все же
В любом застолье есть свой толк.
Стреляли пробки неустанно,
Шипели, пенились стаканы —
Ну, словом, настоящий пир!
(Вином мне залили мундир).
Хозяин наш был явно в духе;
Шутил: «Управлюсь за три дня!
Надеюсь, братцы, без меня
Вы не помрете с голодухи?!»
В ответ смеялись и опять
Все продолжали пировать.

XVII

Так пили мы, не зная меры,
Но все ж она во всем нужна:
Повеселились офицеры —
Пришла пора расстаться нам.
...Когда мы стали собираться,
Меня он попросил остаться,
Сказал, что есть, мол, разговор,
Что снять пора ненужный флер*,
Возникший в наших отношеньях.
Я лишь кивнул, не тратя слов,
Что, дескать, выслушать готов...
Избегнуть чтобы искаженья,
И не придрались вы к словам,
Его рассказ представлю вам.

* Флёр — от франц. *fleur* — покров таинственности.

XVIII

Он начал разговор не сразу.
Усердно трубку набивал,
Искал вступительную фразу...
Меж тем я терпеливо ждал.
Я полон к Сильвио почтения,
Но рвали душу мне сомненья:
Быть может, на решенья скор,
Неправый вынес приговор?
Но честь есть честь — иных нет правил!
Понять ли здравому уму?!..
...С огнем в глазах и весь в дыму
Предстал вдруг С* как сущий дьявол!
Я утомил немало вас?
Так вот же Сильвио рассказ:

РАССКАЗ СИЛЬВИО

Я буду откровенен, князь.
Заметил ваше отчужденье,
И у меня сложилось мненье...
Да! Я прямую вижу связь
С одним недавним злоключеньем.

Заочно здесь меня бранят,
Не отрицайте, право слово!..
Вы презираете меня...
За то, что я простил штабного,
Безвольно, мол, замаял скандал:
За дерзость — должен наказать,
По чести!.. Вижу по глазам,
Что мысли ваши угадал.

Известно вам: чужое мненье
Я мало уважаю, но...
Себя в вас вижу воплощенье.
Клянусь моею сединой,
И я таким был в ваши годы —
Ревнивцем чести и свободы,
Любимцем благородных дам...
Во всем я вижу наше сходство.
А потому откроюсь вам:

Поступок мой на благородство
Списать легко, но вряд ли нужно.
Я вправе выбрать был оружие.
Им как владею, не секрет.
Судьба хмельного сумасброда
Была б в моих руках... Но нет!
Проблема здесь иного рода:

Собой я рисковать не мог...
За мною долг — дуэльный долг!
Мой давний враг не отомщен,
Пощечина горит еще.
Отмщения я долго ждал.
Вот день пришел, и час настал!

Стрелялись мы. Прошло шесть лет.
Взгляните, князь: в моей руке
Фуражка с дыркой на просвет,
Чуть выше лба, в одном верхке,
Пробита пулей... Сей предмет
Изменит, может, или нет
Ко мне дурное отношеньё...
Я вас люблю, вы мне близки,
Ценю я также ваше мненье,
Своих же правил вопреки.

Пожалуй, ротмистр, мне пора
Пред вами приоткрыть завесу,
Ведь мы давно не юнкера!
Когда вам будет интересно:
Я тоже был на службе царской —
В полку одном служил, гусарском.
И обо мне тогда слыла
Весьма двусмысленная слава:
Самим был воплощеньем зла,
Но, право, лишь для комсостава!
Буян я, первый дуэлянт —
У нас ведь буйство было в моде!
Друзья-гусары для меня
Наперебой слагали оды.

Признаюсь, князь, что всякий грех
За в деле ратном мой успех
Легко прощался — даже пьянство!
А я, с упорным постоянством,
Стремился к первенству всегда,
Своей я наслаждался славой.
Но приключилась вдруг беда...

К нам прибыл в полк графишко бравый,
И будто я глотнул отравы
Из чаши полной до краев!
Вдруг блекнуть первенство мое
С его приходом быстро стало.
В друзья он метил поначалу...
«Нет места двум на пьедестале!» —
И жестко я его отверг,
Покуда нимб мой не померк.

Он отошел без сожаленья
И прекратил со мной общенье.

Граф превзошел меня во всем:
Умен, красив и знатен родом,
Богатство, храбрость — все при нем!
Для женщин — будто мазан медом.
Впустую времени не тратил,
Гордился славою своей.
В полку он многих орогатил
Иных доверчивых мужей.

Он, мой противник, явно был
Счастливым баловнем судьбы.
От зависти впадал я в раж,
Травила злость змеиным ядом.
А он, легко поймав кураж,
Не достаивал и взглядом...
Терпеть не мог я задаваки:
Я схватки ждал. Я жаждал драки!

Однажды на балу я смог
Для драки отыскать предлог!
Был бал уже в своем разгаре.
И враг мой весел, как всегда.
Сказать точнее, был в ударе.
Он овладел вниманьем дам,
Те в круг него кружились стайкой,
Смеялась громче всех хозяйка.
А эта дама, милый князь,
Тогда со мной имела связь!

Я злился! Я негодовал —
Я с ним на драку нарывался,
Яд эпиграммами метал...
Я разозлить его пытался!
Граф был искусней в эпиграммах,
Блистал стихом своим при дамах.
Он не затягивал с ответом:
Читал их вслух и улыбался,
И мне подмигивал при этом.
А взгляд веселием светился.

Я окончательно взбесился
И что-то грубое на ухо
Ему в том бешенстве сказал.
А граф мне врезал оплеуху,—
И звоном отозвался зал.
Ну, мы — за сабли!.. Развели.
Мы примириться не могли:

Стреляться — точка! — в ту же ночь!
Я был готов! И он не прочь!..

С неизъяснимым нетерпением
Я ждал... Противника все нет.
Росло мое ожесточенье —
Уж близок был рассвет.

Все выше солнце. Раздраженье
Растет мое, и злость кипит:
Уже ли безмятежно спит?!
...Но появился в отдаленье:
Идет походкою неспешной —
Мундир на сабле, за спиной...
И вот предстал граф предо мной:
В руках фуражка — в ней черешни...

Двенадцать меряют шагов,
Условленных, нам секунданты:
Дуэльный кодекс наш таков —
Пора к барьеру, дуэлянты!
...Но нервы! Нервы — что за черт!
Злость не прошла, меня трясет.
«Остыть бы мне!» — и с этой мыслью
Я уступаю первый выстрел.
Ведь может подвести рука...
Пусть граф стреляет, а пока
Свои я успокою нервы:
«Да! Пусть же граф стреляет первым!»

Но граф мой жест не оценил,
Сказал: «Пусть жребий все решит».
И жребий вновь благоволил
Любимцу счастья: вот лежит
Пред вами, князь, моя фуражка —
Свидетель выстрела его...
И я... Пока еще живой.
Но не отмщен. Признаюсь, тяжело,
Мне ваше осужденье, князь.

Что наша жизнь? Интриги, грязь...
Простите, но отвлекся я.
Был выстрел. Очередь моя.
Мой враг в двенадцати шагах,
И жизнь его в моих руках!
Взвев курок, взял на прицел:
На графа жадно я глядел,
Искал в глазах приметы страха...
Их не было. Враг даже внешне
Спокоен был: он ел черешни...

Вдруг из кустов вспорхнула птаха
И растворилась в вышине —
Как Божий знак, что послан мне...
«Что я искал в его глазах? —
В них пустота и безразличие.
Убью — что в том мне пользы личной?» —

Подумал так, а вслух сказал:
«Я вижу, граф, вам не до смерти.
Так продолжайте завтрак свой,
Не стану вам мешать!.. Созрейте!»

«Оставьте выстрел за собой! —
Ответил граф. — А впрочем, сами
Решайте: он всегда за вами!»

В отставку вышел я, мой князь,
В местечко N. Ушел здесь в тень,
От светской жизни удалясь.
Мечтал о мщенье каждый день.
Теперь же этот день настал —
Тот, о котором я мечтал.

Читайте: вот письмо — пакет
Я утром получил на почте.
Надеюсь, разберете почерк...
В письме найдете вы ответ,
На тот вопрос, что вас так мучил.
Быть может, вы поймете лучше,
Чего я терпеливо ждал,
И почему простил штабного,
Как должен был, не наказал.
Поймете: выбора иного
Я не имел — за мной был долг.
Страшнее смерти — неотмщенье!
Теперь же мне Господь помог:
Представил шанс мне, что б я мог
Вернуть ко мне расположение,
И долг отдать по назначенью.

Читайте ж, князь! Вот вам письмо...
Прочтя, поймете выбор мой...
Я отношусь к вам с уваженьем.
Себе позволить не могу
Оставить тяжкие сомненья
Ни в вашем сердце, ни в мозгу...
А на прощание замечу,
Впредь не надеюсь уж на встречу
И на пожатие руки...
Вы мне останетесь близки.

ІХХ

В чем наших писем назначенье?
Они летят на почтовых —
Мы ждем, сгорая в нетерпенье,
Хоть сами редко пишем их...
Прочел письмо я без желанья.
В нем сообщалось, в том посланье,
Что некий, им известный, граф
Решил вступить в законный брак.
Готово все, и день назначен,
И должен Сильвио спешить,
Чтоб с графом давний спор решить —
Момент не сыскать удачней.
Мы на прощанье обнялись.
Сведет нас вряд ли снова жизнь.

Часть вторая

I

Прекрасны годы молодые.
Мы верим: все у нас в руках!
Любви мы ищем позывные
И птицу счастья в облаках...
Мы эти годы беззаботно
Легко транжирим и охотно.
И необузданная страсть
Берет, увы, над нами власть.
Но мы все думаем: то счастье,
Что нас чарует и манит,
Волшебной птицей прилетит.
И вдруг теряем в одночасье
Надежду эту, глядя ввысь,
Где наши звезды не сошлись.

II

Там, в небе клином журавлиным
Чужое счастье, сделав круг,
Кого-то сделает счастливым...
И ты запомни, юный друг:
Бывают в жизни перемены —
Друзей предательство, измены
(Немного праздников земных) —
Мы все зависимы от них.
Я не Пророк и не Мессия,
Богов не слышу голоса,
Скажу лишь то, что понял сам:
Есть обстоятельства такие,
Что в наших силах изменить,
И надо молодость ценить!

III

Я сам стал жертвой обстоятельств:
Совсем седой, а был шатен
Мне не хватало тех чудачеств,
Что знал, живя в местечке N...
Теперь, уйдя с военной службы,
Почувствовал себя ненужным.
В глухой деревне поселясь,
Жалел себя ваш бедный князь.
Сидел в глуши, с уныньем споря,
Все книги в доме прочитал,
Лишь об одном теперь мечтал:
Не стать бы пьяницею с горя,
Не спиться б, Господи, прости!
Другой вопрос: куда пойти?

IV

Ах! Как нуждался я в общенье —
Я от тоски зеленым стал!
Поместье было в отдаленье,
Примерно в четырех верстах.
Сказал мне староста Порфирий,
Здесь с мужем юная графиня
Медовый месяц провела,
Сама же в Питере жила.
Шли дни и ночи эстафетой,
Я пил вино, гоня мух...
Вдруг по селу пронесся слух:
Графиня едет на все лето!
Что это может означать?
Да это — праздника печать!

V

Приезд богатого соседа
Здесь обсуждали месяц-два...
И года три, когда уедет,
Не успокоится молва.
Гудело ульем все селенье,
И я почувствовал волнение:
Ведь ждал и я, читатель мой,
Приезд хозяйки молодой.
От нетерпения сгорая,
Мечтал уже немало дней,
Как я предстану перед ней,
И как графиня молодая
Меня воспримет... Ваш ведь князь
Утратил с высшим светом связь...

VI

Они приехали в июне,
В начале месяца. Да, да —
Поста Петрова накануне.
Лил, помню, сильный дождь тогда.
Но вот настало воскресенье,
И поспешил я с нетерпением
(Дичал я в собственных стенах)
В поместье в четырех верстах:
Представиться соседям новым,
Как нам традиции велят.
А может, если захотят, —
И добрым обменяться словом.
Меня поймет, конечно, тот,
Чья так бесцветно жизнь течет.

VII

И вот я в графском кабинете.
Богатством он благоухал...
Такого я давно, поверьте,
В глухой деревне не видал.
Обилье книг, тепло камина,
На стенах старые картины,
Сиянье бронзы и зеркал,
Французский на столе журнал;
Сукном зеленым пол обитый,
Ковры персидские на нем.
А над камином есть проем*,
В нем три богини — три хариты.
Я трепетал — ну, чисто,
Как был проситель у министра.

VIII

Граф оказался дружелюбен,
Открыт в общении и прост.
К таким я благосклонен людям
И вскоре позабыл, что — гость!
Мы говорили с ним о разном,
Но не касались сложных тем.
А я освоился меж тем
И стал вести себя развязней.
Но сразу потерял дар речи!
Я был графиней поражен:
Таких нечасто встретишь жен —
Казалось, что погасли свечи,
Когда явилась нам она,
Столь ослепительна, нежна!

* Проем — здесь в значении: *ниша*.

IX

Какая грудь! Какие плечи!
Какая шея!.. А глаза?!..
Я онемел. Конфуз замечен.
Что в оправдание сказать?
Я спрятал взгляд свой от графини
И стал рассматривать картины,
Чтоб свой сокрыть позор и стыд,
Чтоб чувствам дать чуть-чуть остыть...
Графиня с графом, не смущаясь,
Вели беседу меж собой
Как будто я для них был свой
И разговору не мешаю.
Пейзаж швейцарский на стене
Вдруг чем-то приглянулся мне.

X

Друзья! Я в годы молодые
Сторонник был иных забав:
Картины — не моя стихия!
— Кто автор, подскажите, граф,
Такой работы филигранной?
«Не помню... Это холст Бирманна»*.
— Отличный выстрел! — воскликнул я.—
Не каждый может так стрелять!
Тут нужен дар, а не уменье,
И глаз... и твердая рука...—
Знавал такого я стрелка!
Но мы расстались, к сожаленью...
Я Сильвио не смог забыть!
«Как? Сильвио?! Не может быть! —

XI

Воскликнул граф, поднявшись с места, —
Вам, правда, Сильвио знаком?»
— Да, если графу интересно,
В полку служили с ним одним...
Простите, граф, нужна поправка:
Нет, нет! Он был уже в отставке,
Но как у брата своего
Мы собирались у него.
Так, стало быть, и вы с ним знались,
Вы тоже с ним знакомы, граф?..
О, да! Я оказался прав:
Граф подтвердил — они встречались.
... Подумав, начал граф рассказ.
Я записал его для вас:

* Карл Эдуард Бирманн (1803—1892) — немецкий пейзажист.

РАССКАЗ ГРАФА

«Догадки вас не обманули.
Вот этот выстрел — пуля в пуле,
Что след оставил на картине,—
Знак о последней нашей встрече.
Пять лет прошло, но я донине
В деталях помню этот вечер.

Вы были с Сильвио дружны,
И он вам сказывал о бале...
Здесь пояснения нужны:
Служил я с ним, мы враждовали,
В полку за первенство борясь.
Мы с Сильвио стрелялись, князь.

За ним остался выстрел-долг,
Но он покинул вскоре полк.
А я — богатый, молодой —
Беспечно жил и веселился,
Совсем забыл о ссоре той.
И вот, пять лет назад, женился...

Медовый месяц был в разгаре,
Счастливо наши дни лились —
Как звуки греческой кифары.
Открыл иной я жизни смысл:
В любви желанной и в покое,
И сердце этим успокоил...

Был мой покой нарушен вскоре:
С прогулки мы вернулись конной
В тот вечер; здесь же, у камина,
Ждал гость: по виду — сущий тать!
Пришел, сказал он, долг отдать!
По голосу узнал я имя.

«Ты не узнал меня?» — спросил,
Табачным едким пыхнул дымом.
Как будто я лишился сил,
И волосы вдруг стали дыбом...
Теперь мне было что терять...
Ах, как некстати этот «тать»!

«Ты помнишь, граф, за мною выстрел?
Я разрядить свой пистолет
Пришел. Готов ты или нет?»
Шаги отмерил я и быстро
Стал в том углу: «Стреляй! Жена
Увидеть это не должна!»

Он медлил, попросил огня...
Подали свечи: так светлей.
Он долго целился в меня...
И наслаждался он как будто —
Ужасная прошла минута!
Я попросил стрелять скорей!

Вдруг опустил он пистолет.
«Как жаль,— сказал,— черешен нет!
Признаюсь, не хотелось мне бы
Убийцей стать в своих глазах.
По чести предлагаю, граф,
Давайте новый бросим жребий!»

Я не хотел, но так случилось,
Что первый номер выпал мне.
«О! Это дьявольская милость!» —
Его усмешку я во сне
Ночами вижу до сих пор.
Но как продолжился наш спор.

Я выстрелил, но как-то странно:
Картину прострелил Бирманна!
На выстрел прибежала Маша,
От страха бледная, визжит...
У Сильвио был грозен вид,
И за нее мне стало страшно.

Представил, как ей было жутко,
Решил соврать, что это шутка.
Но не поверила графиня:
Соперник целился в меня,
Сказал: «Для шуток есть причина,
Настала очередь моя!»

Увидев дьявола во взгляде,
У ног его — моя графиня! —
Молила Маша о пощаде...
В меня он целился картинно
И демонически молчал.
Я был взбешен, я закричал:
«Мне это, сударь, надоело!
Стреляйте же, окончим дело!
Иль вы не будете стрелять?
Что это может означать?!»

Соперник грозный отвечал:
«Стрелять не буду. Я доволен.
Увидел все я, что хотел:
Как ты краснел, как ты потел,

Твое смятение и робость,
Заставил выстрелить в себя...
Теперь пусть мучает тебя
Твоя же собственная совесть —
Над нею, граф, уж я не волен!
Я возвращаю выстрел мой
(Не целясь, выстрелил в картину).
Да, ты останешься живой
И предо мной почти невинный...»

И он ушел... лишь там, за дверью...
Я слышал, звякнул колокольчик —
Наверно, ждал его ямщик.
Но трудно было мне поверить,
Что давний спор наш был окончен,
И снова страх в меня проник...

Вот так ваш друг мне отомстил,
Но, не уверен, что простил...
С тех пор я, князь, в решениях взвешен:
Оружье в руки не беру
И видеть не могу черешен.
Наверно, с этим и умру...

ХII

Вот так, неожиданно совершенно
(Какой-то был каприз судьбы),
Узнал однажды завершение
Истории, чьей подзабыл
Почти, признаюсь вам, начало.
Я был взволнован чрезвычайно:
Ведь я когда-то молод был
И жестко Сильвио судил...
Друзья! Меня не обессудьте!
Порой мы судим сгоряча,
Выносим приговор сплеча,
Не разбираемся по сути...
Мы ошибаемся подчас —
И так же кто-то судит нас.

Александр Ланцов

(с. Нивны Арсеньевского района Тульской области)

Родился в селе Нивны Арсеньевского района Тульской области. Его стихи опубликованы в различных изданиях. Награжден медалью Тульской области «Трудовая доблесть III степени». Лауреат литературных конкурсов.

СНЕЖНАЯ КРЕПОСТЬ

(посвящается В. Е. Корнееву)

Доходило зимой до нелепости,
С поля боя не жди, не сбегу.
Наспех строили снежные крепости
Против дотов на том берегу.
 Затаившись за мерзлыми кочками,
 Круги ада прошли мужики,
 Не отдали Полян с Голубочками,
 Не отдали могучей Оки.
В твердость снега не очень-то верилось,
От осколков навряд ли спасет.
Но молились и втайне надеялись:
Будем живы, авось пронесет.
 Смерть и кровь — вот все будни солдатские,
 Снова взрыв, хоть фашист не стрелял...
 Под могилы взрывали под братские,
 Лом промерзшую землю не брал.
Обелиски и дали безбрежные,
Тишина здесь сегодня, покой...
И хоть строили крепости снежные,
Но стальной солдатской рукой.

ДВА ОБЕЛИСКА

Два обелиска за одной оградой,
Отец и сын, за них и боль вдвойне.
Отец героически пал под Сталинградом,
А сын в Афгане, на чужой войне.

Верны присяге, Родине и флагу,
Их героизму нечего учить.
Представлены к медалям «За отвагу»,
При жизни не успели получить.
А внук в Чечне с десантным батальоном,
В кровавой бане, где и смерть, и риск.
Повышен в должности, досрочно стал майором.
Семье не нужен третий обелиск.

ОБ ОТЦЕ

Говорил мне отец, завещал, умирая:
«Окажи, сын, мне честь, не сочти, сын, за труд,
Принеси мне сто грамм на девятое мая,
В День Победы друзей боевых помянуть».
О себе на войне он рассказывал мало.
Чаще просто молчал, разговор уводил,
И не знай я про орден Солдатская Слава,
Вряд ли мог бы поверить, что он победил.
Орден в ту войну просто так не давали,
А за пот и за кровь, за героическую смерть.
Не за орден солдаты в бою умирали,
А чтоб свастику с карты планеты стереть.

О ВОЙНЕ

Хлестко выстрелил танк,
Оборвав пулеметную рвоту.
Переполз наш окоп,
По-хозяйски урча, не спеша.
Друг гранату в него,
А потом отсекали пехоту
Мы с моим земляком,
Раскалив докрасна ПППШа.
А потом мы ползли
Меж кусками кровавого мяса,
Напугав даже смерть,
За счастливую в будущем жизнь.
Нам теперь говорят,
Что мы воины высшего класса,
А тогда политрук:
«Брат, умри,
Но хоть двадцать минут продержись!»
Знает, видно, лишь Бог,
Сколько пролито крови и пота.
Редко кто с тех полей
Возвратился с победой домой,
Но в руках у праправнука
Старое, желтое фото.
А на фото том
Я, в Бессмертном полку — рядовой.

* * *

Ту высоту мы брали вместе с Борькой,
Здесь были мы, на высоте — их дзот...
Я накрываю хлебом стопку горькой,
Хотя он с сорок третьего не пьет.
Он встал один, вперед рванулся первым
И рота через миг пошла за ним.
А он с размаха рухнул вдруг на землю.
Я шел за ним и я остался жив...
Мы хоронили Борьку без салюта —
Тогда патронам цену каждый знал!
Горели души ненавистью лютой
И лютый ветер в лица нам хлестал.
Вот вновь мы здесь и, вроде, та же зорька,
И тот же ветер в лица снегом бьет...
Букет цветов и рядом стопка горькой,
Хотя он с сорок третьего не пьет.

Александр Дивеев

г. Ртищево, Саратовская область

«ВСТРЕЧАЕТ УТРО ХЛЕБОМ-СОЛНЦЕМ...»

Александр Алексеевич Дивеев родился в деревне Ундольцино Ртищевского района Саратовской области. Лауреат литературной премии «Золотое перо Руси-2014». Член Союза писателей России. Живет в г. Ртищево Саратовской области.

ВРЕМЯ

Время испуганной лошадью мчит.
Шоры! Где шоры? О, Боже мой!
И отлетают подковы с копыт.
«Эй, осторожно, прохожие!»

Пух тополиный, как перья от кур.
О, кобылица — красавица!
Бабы собачатся, а на ветру
Ветви деревьев бодаются.

Видимо, так, с ярым блеском в глазах,
Ей в мире Дольнем положено
Мчатся туда, где в зеленых лугах
Можно пастись нестреноженной...

В Храме Души — благодатней огонь.
Боль и обиды — терпимее.
И обнимаю старушку-гармонь,
Словно девчонку любимую...

ТИХИЙ ДЕНЬ

Ворчливой памяти упреки...
Бог дал — погожий, тихий день...
Деревня... Избы кособоки,
Цветет дурнушкою сирень.

Забор валяется, как пьяный,
От пруда скрип противных жаб.

И хоть уже совсем не рано —
Ни мужиков окрест, ни баб.

Тут богачи живут: на душу —
По дюжине убогих изб.
Печальной аурой надушен
Мой край. Всевышнего каприз?

Тут чаще быть — платить за вредность
Душе и сердцу. Много лет
Жила, плясала. Незаметно
Погас ее незримый свет.

И по стяжательному праву
На месте изб, садов, берез —
Посеет фермер на халяву
Пшеницу, свеклу или рожь.

Гневить не стану Бога, хая
Мой край от грязи и до звезд.
Инфраструктура? Вековая:
Польнь седая да погост...

МЕСЯЦ

Словно в океане
Ледокол во льдах,
Облака таранит
Месяц в небесах.

Нет в пушистых льдинах
Желтому преград.
Звезды, как пингвины,
На него глядят.

Облаков торосы.
Мельтешенье стран...
Славные матросы,
Мудрый капитан...

Яков Шафран
(г. Тула)

К 500-ЛЕТИЮ ТУЛЬСКОГО КРЕМЛЯ

1

Кремль наш древний, кремль старинный,
Я иду к тебе опять.
Вижу давние картины,
Словно время мчится вспять:

Как Гирей, что шел с войною,
Был дружиною разбит,
Как над речкой, над Упою
Стал тогда ты знаменит.

Припев:

Наш кремль в веках
Прославил город.
Он жив в сердцах,
Как прежде молод.

Наш кремль — герой.
Он — гордость наша.
Наш кремль родной,
Его нет краше.

2

Полк рабочий, полк наш тульский
Шел от стен твоих на бой.
Это был ответ наш русский,
Был ответ наш боевой.

Вновь щитом России стала
Тула в грозные года.
Вновь столицу отстояла
Долгу верная всегда.

Припев.

3

Хоть уже и в землю врос ты,
Гордо высится глава.
Невысокого ты роста,
Но высокого родства.

И когда с тобою рядом,
Ощущаю строгий взор,
Будто слышу: «Сын мой, надо
Вместе нам нести дозор!»

Припев.

Юрий Токарь

(п. Городок, Житомирской обл., Украина)

ЭХО НАДЕЖДЫ

Наш постоянный автор.

* * *

По этой загадочной осени жалко ногами,
В нее б погрузиться и медленно плыть к декабрю.
Наверно, остывшее солнце смеется над нами,
Но я эту осень зачем-то сегодня люблю.
И ты не спеши обижаться на ветры косые,
И летние сказки во сне вспоминать не спеши.
Когда-то с тобой пробежим мы по лугу босые,
Но это потом, а пока что все осень решит.
Пускай наполняет и грустью, и медом бокалы,
Хмельною листвой и надеждой в душе шелестя.
А в парке на листьях танцуют наивные пары,
Мелодии нежность как вечность у сердца неся.
Давай же попробуем просто послушать мгновенья,
Из них то и соткана жизни бесценная ткань,
Они обозначат прибытия и отправленья,
Ведь весь этот мир очень сильно похож на вокзал.

* * *

И опять по стеклу разливается осень сегодня,
Это даже не дождь, а плывущая вечность с небес.
Только ветер себя не повел как настырный негодник,
Ветер просто затих и ушел в зачарованный лес.

Растерялся сентябрь, впереди еще бабье ведь лето,
И расстаться с листвою, наверно, совсем не спешит.
В ней теряется грусть, на вопросы души все ответы,
Путь морозам, пока что, сентябрьской завесой закрыт.

И у нас на сердцах межсезонье застыло упрямо,
Их бы надо открыть, недоверье стирая судьбой.
Только мы, почему-то порой, поступаем так странно,
Что не ясность тумана под небом и над головой...

* * *

Донбасская осень к тебе прикоснулась,
Разрывы снарядов уже не слышны.
Ты рано сегодня в рассвет окунулась,
Оставив подушке досматривать сны.
Конечно, дождинки и ветер не сильный,
Когда-то ж должно было стать холодной.
Октябрь в Украине, и рядом, в России,
Не делит людей на врагов и друзей.
Мы все одинаково прячемся в куртки,
Надев капюшоны на мысли свои.
Славянской улыбкой цветы-незабудки
Нас летом одарят, ты их только жди!
Границы не могут делить наши души,
Прорвемся сквозь лишние стены и рвы.
А музыку утра сегодня послушай,
Она отголосок осенней поры.

* * *

Под кофе в реальность из снов возвращаясь,
До вечера снова с друзьями прощаюсь,
С друзьями, которые не в измереньях,
Но в раненном сердце и в стихотвореньях.

А ночью они вновь появятся, может,
И сущность мою появленьем встревожат,
Но редким бальзамом пролившись на душу,
Ее станут очень внимательно слушать.

Поддержат советом и взглядом, наверно,
Покажется мир не таким уж и скверным,
Мне кажется, Бог разрешает им это,
Когда, временами, не видно просвета.

А раньше друзья по планете ходили,
Смеялись и злились, однако, любили,
Но где-то споткнулись в пути и уплыли
На берег далекий, за запах ковыли.

Вдруг кофе пролился на стол неудачно,
И кто его знает, что это все значит...
Опять в суету свою утро потянет,
А чашку бармен аккуратней пусть ставит.

Ольга Иванова
(Симферополь, Крым)

ПИСЬМО ИЗ КРЫМА НА САХАЛИН

Ольга Алексеевна Иванова — член Союза писателей России, кавалер литературных орденов и медалей, лауреат всероссийской литературной премии им. Н. С. Гумилева, Премии Республики Крым, заслуженный деятель искусств Республики Крым. Имеет 19 сборников и более 1000 публикаций. Новые книги «Крым к России приближали как могли», «Наследники Победы».

Пишу из Крыма, братья Сахалина,
И вы, и мы у Родины форпост.
Пути-дороги между нами длинны,
Но расстоянье — это не вопрос!

И Крым, и Сахалин — очей отрада!
Полет у наших помыслов высок.
И если вы повернуты на запад,
То мы, конечно, только на восток!

Воспитаны мы окоемом синим,
А воздух у Отечества один,
И потому душой — народ единый,
Страну мы никому не отдадим!

Ни вам, ни нам чужих земель не надо,
Зато мы с вами лакомый кусок!
Но годы наши души не ослабят,
Мы возродимся — дайте только срок!

И нам чужой истории не надо.
И вы, и мы у Родины редут.
Гостям мы с вами непременно рады,
Но происки «партнеров» не пройдут.

Рябины салютуют цветом алым,
И путь у судеб видится один:
Граница — это Родины начало,
Ее мы никому не отдадим!

Пишу из Крыма, братья Сахалина,
И вы, и мы у Родины форпост.
Пути-дороги между нами длинны,
А расстоянье — это не вопрос!

Николай Еремин
(г. Красноярск)

Наш постоянный автор.

БЫЛЬ

В век непонимания
Слышала сторонка:
Требуя внимания,
Молодая, ранняя
Плакала девчонка:
— Я хочу ребенка!
И хочу хотеть,
Чтоб не умереть
Ни сейчас, ни впредь! —
А ведь я в душе
Старая уже...
Да и телом тож...
Что с меня возьмешь?
Всюду — блажь и ложь...
Я совсем одна!
В чем моя вина?
Жизни — грош цена...
Страшная и пошлая,
Тут и там — война,
Жизнь и смерть одна...
Что за времена?
Горе и беда...
Не хочу я в прошлое...
В будущее — да...

* * *

В море Черном бесценные камни
Сердолики
Сверкали веками...
И дарили под солнцем себя,
Всех влюбленных
навек возлюбя...

Для меня ж — почему,
Отчего?
Не осталось ни одного?
Но я все же нашел —
Славный миг! —
И тебе подарил сердолик...
Золотым негасимым пожаром
Он недаром сверкает...
Не даром...

ШАНСОННЫЕ ОСТРОВА

Мне Муза подарила сладкий сон —
И я заснул
Под радио «Шансон»,
И мне приснились —
Муза, ты права! —
Шансонные под солнцем острова...
Где Новиков прикольно
— Хи-хи-хи! —
Пел новый шлягер на мои стихи...
И шансоньетки юные —
Вокруг...
И Робинзон, и Пятница сам-друг,
И подпевал им бог семи морей
Сам Посейдон...
И рядом — бог Морфей...
И жемчугами —
О, волшебный дар! —
Всем выдавали щедрый гонорар...
С тех пор я
На Шансонном берегу
Под рокот волн проснуться не могу...
О, Муза, милая, вернись и разбуди!
Ты знаешь,
Сколько песен впереди...
Хотя, кто нам заменит?
Ты права,
Шансонные — под солнцем — острова...

Наталья Окенчиц

(г. Михайловск, Ставропольский край)

Родилась в Киргизской ССР. Член Союза писателей России. Издала несколько книг лирических стихов и публиковалась в различных журналах.

НА СВЕТЛОЙ ГОРЕ

Мою душу коварные вору
Обобрали сегодня до дна.
Кто со мной на зеленую гору?
Вот опять отправляюсь одна.

Ах, какие чудесные виды!..
Что за грех моя светлая грусть...
Постараюсь уйти без обиды.
Просветленной обратно вернусь.

Горизонт, облака — это вечность.
Небо близко, а боль далеко.
И какой-то веселый кузнечик
Прямо в сердце запрыгнул легко.

СРОК ДАВНОСТИ

Разве поздно ворвался свет
Прямо в душу, пронзая тело?
За ошибки далеких лет
Я прощенье просить хотела.

Трепетала, ждала, звала.
На воде собирала блики.
Уходила на край села.
Только ветер меня окликнул.

Только поле смотрело вслед,
Провожая пернатых стаю.
За ошибки далеких лет
Ветер в поле меня прощает.

Леонид Золотухин

(пос. Сосновый, Заокский район Тульской области)

ВЕНКИ НА ВОДЕ

Печатался в различных коллективных сборниках и альманахах. Преподаватель-организатор ОБЖ Сосновской средней школы Заокского района.

*Директору музея командира
крейсера «Варяг» В. Ф. Руднева
Е. С. Жулдыбину*

К остановке автобусной
Вдалеке от морей
Сине-бело Андреевский
Флаг морской прикипел.
Белокрылою чайкой
Распростерт в небесах,
Бригантиной, летящей
На тугих парусах.

В сухопутной глубинке,
На заокских холмах
Честь морская России
Вознеслась на крылах.
Полыхает над травами
Белопенной волной.
Быть морскою державою
По Петру суждено.

С поворотом дорога
Упирается в Храм
И музей, что напротив,
Точно парусник встал.
Из-под кленов в ограде
В орденах на груди
И при полном параде
Руднев строго глядит.

Память русского флота,
Гордость тульской земли,

Ныне в бронзе отлили
И в гранит облекли.
Как на мостик взошедший
За штурвал корабля,
В тихом Савино вечность
И покой обрета.

Не реликвией пыльной —
Дорогим земляком,
Прочной нитью с живыми
Связан рудневский дом.
Под крыло собирает
Верных морю сынов,
И служить провожает
Заокчан-земляков.

Помнят имя «Варяга»,
Командира его,
Под Андреевским флагом
Проводя торжество.
Ты в веках не потерян,
Русский дух не иссяк,
Вечной славой овеян
Легендарный «Варяг»!

Твоего экипажа
Память свято храня,
Здесь на полочке каждой
Экспонаты стоят,
И рассказ о японской
Той далекой войне,
Привелось на которой
Гибнуть в стылой воде.

На Востоке, на Дальнем,
Где чужая земля,
Быть и гордым, и сильным
Посылала страна.
На бессменную вахту
Заступали в порту.
Капитан не напрасно
Сердцем чуял беду.

В Желтом море далеком
У чужих берегов
Службу флотскую нес он
По защите основ
Как посланник России
На ее рубежах.
В тех уже легендарных,
Предвоенных годах.

Неспокойно здесь как-то,
В Чемульпинском порту.
Все подвохи микадо
Предвещают войну.
Дышит воздух тревогой,
Запах пороха жжет:
Не дожидаться подмоги,
И ответ не придет.

Ультиматум получен,
А союзников нет.
Как легко равнодушье
Спрятать в нейтралитет.
Сроки все на исходе,
Мир на нити повис.
Знать японцы в походе
И готовят «сюрприз».

Вызов Уриу дерзок,
Но приемля его,
Обретали бессмертие...
Честь превыше всего!
Знали, рейд покидая,
Что вас ждет впереди,
Но Российское Знамя
Ни пред кем не склоним!

Под Андреевским флагом,
Да на полном ходу.
К Порт-Артуру бы надо
Прорываться ему.
Но за мысом эскадра —
Больше сотни стволов.
На «Корейце» с «Варягом» —
Три десятка всего!

Честь российского флота —
Не пустые слова,
А вдвоем на армаду —
Тут решимость нужна!
Погибать — не сдаваясь,
Это русских удел,
От разрыва снарядов
Стальной корпус гудел.

Две пробоины тяжких:
По корме и в носу,
Трое первых погибших
В дальномерном посту.
С каждой новой минутой
Темп огня нарастал,

Стало трудно «Варягу»
Против стаи стоять.

Возгоранье на шканцах,
Повреждение руля...
Дали залпы в японцев
И, похоже, не зря.
Но орудья разбиты,
С левым креном идет.
Малым ходом машины
Отработали в порт.

Корабли не спустили
Перед ворогом флаг.
По морскому обычаю
Похоронен «Варяг».
В море стелы не ставят,
На высокой волне
Пусть плывет наша память,
Как венки по воде

Продолжатель традиции,
Гордый крейсер «Варяг»,
Как тобою гордится
Каждый русский моряк!
Изумленному миру
Вы смогли показать:
Русским голову долу
Не пристало склонять.

От Одессы до Питера,
На вокзалы несли
Благодарные жители
Для героев цветы.
Пиком славы народной —
Звон медалей за бой,
Званный ужин дворцовый
И державный прием.

Ордена на мундирах,
Новых званий каскад.
Руднев в фаворе ныне,
При дворе адъютант.
Но пророков в Отечестве
В нашем отроде нет,
И Героев по-прежнему
Не любил высший свет.

Только память помалу
Затянула война,
О героях «Варяга»

Позабыла страна.
Руднев верности флоту
Никогда не терял,
Но в «отставку с почетом»
Уходил адмирал.

Быт устраивал новый
Здесь на тульской земле.
Стал соседям подмогой
И опорой семье.
Но, как видно, не мог он
Жить без службы морской.
В деревеньке заокской
Завершил путь земной.

От селения Мышенки,
Только чуть за лесок,
С краю поля отыщется
Это место еще.
Липы старые помнят,
Как аллеей шагал
Гордой веры исполнен
Отставной адмирал.

Позабыт и оболган
Но не сломлен душой,
Для кого-то изгой он,
Для России — герой!
Продолжатель традиций,
Духом русским силен.
Суждено возродиться
Среди славных имен.

Свечи,
шампанское и —
глинтвейн,
Сказки,
наряды,
маски,
листок —
Самый последний календаря
И незаметно вышедший срок
Сделаться лучше, счастье —
даря.

Радость,
куранты,
встреча...
Ура!..
Бом!
И осыпалась мишура.
Хлоп!
И рассыпался серпантин...
...Ночь,
непогода,
ветер — один.

* * *

Что-то хочет сказать мне пришедший Январь, —
Я в глазах его — снежных — сейчас
утону.
Откололся от осени крупный янтарь
И расплылся по небу,
и спекся в луну.

Музыкант — переулочный ветер — играй! —
Мне не жалко в кармане звенящих монет!
...И собачий раскольничий истовый лай
Что-то старое,
давнее будит во мне.

...Говорить, говорить —
Будто, в ступе толочь
Переходы,
метели,
чужие дома.
Я, как стержень, тверда —
Я — январская дочь —
Та, которую любит седая зима.

Потому мне понятен мотив
и настрой

Закоулочных ветров, играющих так,
Что белянок взметается бархатный рой,
И кидают в бедняцкую шапку пятак.

Я январская дочь.—
Я умею терпеть,
Я возникшую тень за спиной — отгоню.
Только хочется жить в постоянном тепле,
И протягивать хочется руки к огню...

Я январская дочь.—
Я слова разделю
На коварство,
 на глупость,
 на исповедь,
 на

Голубые картины, где льет январю
На ладони янтарные смолы луна.

* * *

Мной огонек чудесного костра
Среди зимы нечаянно замечен,
И от него, сгорая, береста
Мне заметелит скованные плечи.

Я подойду — и все произойдет,
И о тугую землю стукнет посох,
И властелин уступит свой черед,
И берега бегун-реки просохнут.

И голосок оттаявшей земли —
Из желтых уст слепого первоцвета —
Вдруг переполнит солнечный зенит
И станет частью солнечного центра.

И непривычен,
 милостив
 и прост
Зеленый день, желанный до безумья,
Придет и встанет рядом в полный рост
И простоит со мной до полнолуния.

...Когда минут немного впереди,
Когда еще раздольность под запретом,
Ты сколько можешь ягод набери
И все отдай нуждающимся в этом.

...Широк костер,
И ярок, и высок,

Не свою судьбу прожила — ничью.

Успокоюсь — крылья

луне отдам.

Соколиных башен глаза — темны,
будто ночь рассыпалась по углам
вдалеке от свившей гнездо луны.

Прилечу — останусь.

Узор пера

у меня под горлышком — повтори.

Только — слышишь — встречу

спешат прервать

не ветра, а будто —

поводыри.

Только будет с прошлым сравним закат,—

ощущенье боли — привычной ласк.

Только отсвет льющийся — розоват,

и сиренев спелый «вороний глаз».

Только плавность линий — забытость губ,

облаками ляжет вдоль неба

и...

Говорить не помню, как,

но могу

заклинать болящее — не боли.

Невесомость,

дымка...

В песок истерт

Мой железный посох давным-давно...

...Только сказка странствий

на сотни верст,

Финист — ясный сокол и след его...

* * *

Нахожусь, как будто бы, в забытии —

так задумал, видимо, сам Господь.

Жизнь — кому, как поле — его пройти,

а кому — как, грядка — ее сполоть.

Золотые руки не дал мне Бог,

но в момент, когда

сотворялся мир,

был закручен месяц в бараний рог,

вот его-то мне и Господь дарил.

Коротаяю ночи — пишу о том,

что на млечном небе сверкает звезд

ровно столько, сколько в краю родном
по весне молочных растёт берез.

...Вышивает Марья.
Поет Иван...
Повезло тому, кто себя обрел:
может Марья серый сырой туман
перепрясть и выткать цветной ковер.

А со мной иначе,—
вся жизнь полна
несуразиц,
мыслей бессвязных,
но...

Светит гнутый месяц — одна струна —
золотая, будто бы — свет его,—

и на сердце Божия благодать,
и яснее ясного мнится мне,
что Иван для Марьи готов сыграть
«Степь да степь кругом» на одной струне.

Владимир Цыганков
(г. Омск)

Владимир Борисович Цыганков родился в Омске. Стихи пишет с 2011 года. Автор публикаций в различных изданиях. Участник многих поэтических конкурсов.

* * *

Вновь рисует зима за окном
Мелом, воздушным мелом.
Все исполнено в цвете одном —
Белом, белом, белом.

Рядышком парой чьи-то следы —
Нам повествует дорога.
Как хорошо мне с тобой, но ты,
Так далеко, далеко.

Будет пять дней бушевать метель,
Пусть, раз ей так приспело,
Я же греть буду нашу постель
Телом, телом, телом.

Тайно лелеять свои мечты,
(Знай, зима будет рада),
Что появятся наши следы
Рядом, рядом, рядом.

* * *

Не сочатся сердечные раны,
Просто нервы провисли, как тросы,
Мир становится серым и постным,
Так стираются времени грани.

Осень жизни — печальная тема,
Но уйти все же хочется летом,
На контрасте — тепло, море света —
В эту райскую зимнюю темень.

С неба льются холодные звезды
Светом тысяч мерцающих храмов.
Умирать никогда нам не рано,
Рано думать, что все уже поздно.

ВАСИЛЬКОВАЯ ГРУСТЬ

Кто на море, кто в горы, а мне бы
Пить лугов васильковую грусть.
Обниму необъятное небо,
В безмятежность лесов погружусь.

Ухнусь на спину в пряные травы,
Вот же, он, долгожданный покой,
На душе так свободно и славно,
Словно ты в колыбели, какой.

И ничто вдруг не звякнет, не скрипнет,
Здесь природы бесплатный концерт:
Мне кузнечик играет на скрипке,
Под лесной комариный фальцет.

СЕНТЯБРЬ

Месяц любимый — осенняя грусть,
Крыльями пищут «прощай» в небе птицы,
Лишь на висках я чуть-чуть сентябрьюсь,
Да борода сентябрится.

Что-то занует в груди у меня
От невозвратности, зыбкости, впрочем,
Все, что дано, не дано поменять,
В строчку с бессмертием — прочерк.

Будь все, что будет, пусть даже сошлись
В точке забвения векторы-оси,
Главное — молод, но, кажется, жизнь
Скажет вот-вот: «Здравствуй, осень!».

* * *

Догрызает весна его —
Серо-белый сахар зимы.
И вокруг еще ничего...
Светофоры лишь зелены.

За окошками воеет кот,
У соседа завывла дрель.
Для него это значит — ремонт,
Для меня это значит — апрель.

Спит земля еще, спим все мы,
Не очнулись деревья, но
Почки выстрелят все равно
Из орудий-стволов весны!

Константин Струков
(г. Тула)

Наш постоянный автор.

* * *

Три штыка
взметнулись выше этажей
Три штыка — оружие наших дедов.
Символ славы — три столпа победы.
Три штыка
на страже наших рубежей.

И как будто от дыханья Тулы
Свет дрожит, трепещет Вечного огня.
И к нему приходит на закате дня
Ветеран, от дум своих сутулый.

Долго он стоит, не в силах отойти,
Опираясь на костыль устало.
Здесь когда-то шла армада танков,
Но твердыней
город стал на их пути.

И лишь ночь спускается,
червонный,
Отражаясь, свет струится высоко.
Собираются у пепельных штыков
Парочки бессонные влюбленных.

А когда блещут в зените дня
Три стальных штыка как на параде,
К ним идут, идут кортежи свадеб,
Чтобы у священного огня

Заложить основы новой жизни,
Молодые здесь дают обет
Преданности Туле и Отчизне.
Пусть в домах их будет теплый свет

Озарять согласие и верность.
...Павшие в тяжелый сорок первый
Спят солдаты непробудным сном.
Их могилы укрывает вечность
Черным всеобъемлющим крылом...

ПАМЯТЬ-БОЛЬ

Как мало вас осталось, ветераны!
Вас, перенесших тот великий бой.
И до сих пор ночами ноют раны,
И не дает покоя память-боль.

Как мало вас осталось, стариков!
Больных, седых, но в битвах закаленных.
И в день Победы твердою колонной
Идете вы достойно, широко.

Как мало вас, лихих, неукротимых,
Прошедших через пекло тех побед.
Идете вы, а прошлого картины
Как прежде с вами, через столько лет!

И память-боль пронзает вас, седых,
Стоящих скорбно у могилы братской.
Невосполнимы горькие утраты
Друзей погибших, вечно молодых.

И капнет на венок слеза скупая.
И может даже станет легче вам,
Когда себе наполните стопарик
И фронтовые выпьете сто грамм.

РОССИЯ

Из глубины веков,
из ханского засилья,
Смертями убиенных
смерть поправ свою,
Из пепла городов
дремучая Россия,
Как Феникс, возрождалась
в молитве и в бою.

Но вновь, как саранча,
накатывались орды...
И ханам вновь платили
унизительную дань.
И вновь рубились насмерть
ненавистные народы,

И озарялась алой кровью
степная даль.

...Июньским благодатным утром
на рассвете
Прервала канонада
песню соловья.
И он замолк...
В испуге просыпались дети.
Шептали губы:
Мама! Защити меня!..

...Над праведной Россией
гудело лихолетье
И двигалась на танках
бесчисленная рать.
По ней, многострадальной,
хлестали вражьи плети,
Ее пытались снова
под себя подмять.

Нет, и на этот раз
не удалось врагам...
Кто на нее с мечом,
под ним погибнет сам.
Она, благословенная,
всегда хранима Богом.
И песней соловьиной
вновь полнятся леса.

А дети видят сны
тревожные, чудные,
Как наступают полчища
поганых басурман,
И топчут росные поля,
и жгут леса родные,
Берут в полон людей
и грабят их дома.
И дети поднимаются
неодолимой силой.
И в их руках мелькают
молнии-мечи.
Не отдадут,
не предадут они Россию!

А соловьи поют,
поют в лесной ночи.

Владимир Хохлев
(г. Санкт-Петербург)

ПОЭЗИЯ — САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Поэма

Родился в Ленинграде. Член Союза писателей России и других писательских организаций. Главный редактор журнала «Невечерний свет». Главный редактор Информационного портала HOHLEV.RU — <http://hohlev.ru> Лауреат Общероссийской литературной премии им. Б. П. Корнилова. Лауреат премии «Золотое слово» (Москва, 2013) Член редколлегии Всероссийского альманаха «День поэзии — XXI век»

Она — Поэзия, муза Санкт-Петербурга, влюбленная женщина. Он — Поэт, дух Санкт-Петербурга, влюбленный мужчина. Враг — бес-искуситель, в разных личинах. Основное действие происходит во сне. Смены сцен и лиц героев происходят без объяснения причин.

I

Поэтический сон... Рифмы-крыши во сне встрепенулись,
разложили проспекты листы городских площадей.
Шпили башен в чернила Невы, не спеша, окунулись...
и стихи потекли — про несчастья и счастья людей.
Их читали мосты, сокрушаясь и радуясь вместе
с куполами церковей, отражая невидимый свет.
Летний сад рассказал своей Зимней канавке-невесте
о прекрасной любви... по прошествии тысячи лет.
Зазвонили трамваи, с ночными собаками споря,
кони вздыбились, им не впервой отбиваться от рук.
Зашептал Эрмитаж, строкам слышимым истоиво вторя,
завучал над садами высокий таинственный звук.

II

Бриз балтийский его, не сумев заглушить, увеличил...
до небесных высот вознеся, чтобы слышали все.
Поэтический сон Петербург воспевал и величил,
над землею по взлетной стараясь взлететь полосе.
Не взлетел, опоздал... Амальгама зеркальных каналов
удержала в себе отражения будущих встреч.
Завязалась игра между ритмами строгих порталов
и катренов стихов, предназначенных время стеречь.

Заигрались поэзией мытые ливнями плиты
мостовых, в перекрестках меняющих векторы снов.
Парапетов и набережных молодые граниты
Приумолкли и ждут... свежих, метко расставленных слов.

III

Вдохновения линия пересеклась с перспективой
не уставшего Невского всех выводить на простор
главной площади города, необъяснимо красивой,
разрешающей давний — барокко и классики — спор.
Разлетелись огромною стаей поэзии ленты
голубей... На карнизах присели, вдали от земли.
Поэтический сон, из реальности выбрав моменты
Петербург с невозможным смешал... и растаял вдали.
Чтобы где-то соткаться из нитей смещенных событий,
побывав от земли на седьмом временном этаже...
Петербург не родился бы без отвлеченных наитий.
Вот родился... и вырос, и молча стареет уже.

IV

Он как опытный мэтр зарифмует дожди с облаками,
если нужно добавит в строку ассонансной воды.
Он на стрелке Васильевского, обращенными к небу руками
оставляет Ростральных колонн световые следы.
Здесь кривая подковы, спасающей воду от суши
спит и видит во сне наводнений подводную суть.
Два гранитных мяча, сохранив обреченные души,
покорили Неву, чтобы вдруг на волне не уснуть.
Поэтический сон, пробежав полукругом газона,
словно хрупкая девушка утром в спортивном трико,
подвязал на трезубец Нептуна, у Биржи фронтона
ожидания вечной любви, унесенные сном далеко.

V

Он пришел проводить угловатые льдины в века,
ледоход на Неве — календарного пика примета.
Под мостом исчезали прохладного дня облака,
Петербург открывался и ждал не прохладного лета.
Стометровый собор, опрокинутый вниз головой
под фасады Английской, смущенные дерзостью века,
заглянул... покачал на волне золотою главой
и уснул среди дня, позабыв про дела человека.
Проносились машины, художества силясь разъять,
под Минервой на куполе грелась в искусстве весна.
Бородатый художник с этюдником холст разлучать
передумал внезапно... когда появилась Она.

VI

Что птицы пьют зимой, когда вода замерзла?
Об этом думал мокрый Он, под зонт не прячась от воды.
Над городом весна с утра туч недр черные разверзла
и поливала, не скупясь, проспекты, площади, сады.
Лес ионических колонн в продольных, мелких каннелюрах
под музыку небесных струй играл в линейный водопад.
Кутузов и Барклай-де-Толли, навек застывшие в скульптурах,
отечество уберегли... не ради славы и наград.
Собор Казанский обхватил раскрытой в небо колоннадой
огромную пространства часть, в слезах заснувшую вчера.
Дом Зингера с большим орлом, с прозрачной башнею-громадой
был озабочен лишь одним — продажей книжного добра.
Он под дождем хотел найти знакомый образ... На канале,
заглядывал в метро, в такси, в дом Зингера с угла зашел.
Хотел Ее увидеть вновь — на улице, в торговом зале...
Ходил-бродил, искал-грустил... Надеялся... Но не нашел.

VII

БКЗ, упразднив, разнесли, как недавно «Россию» в Москве,
город ждал перемен, возрождения Греческой церкви.
Он по Лиговке медленно шел, предаваясь любовной тоске,
фонари у вокзала на Знаменской медленно меркли.
Ленинградский в Москве и Московский вокзал — близнецы по отцу,
между — кроме железной дороги — секретная связь.
Не вождя — оказалось — Петра бьет Московскому больше к лицу...
Гомонили таксисты, приезжих везти торопясь.
О прибытии голос, железом скрипя, объявил,
сигаретный окурок с искрой полетел из окна.
Никогда никого — как Ее — Он еще не любил,
не Ее ждал сегодня... А вышла навстречу Она.

VIII

Он признался... Она, не присев на пустую скамью,
поплыла в направлении, заданном жестом поэта.
Голубей разогнав шумно-крылых большую семью,
Он за ней поспешил, ожидая простого ответа.
За деревьями Русский музей желто-белым парил,
перед ними гремели движками машины-ракеты.
Клоун в маске, с детьми забавляясь, прохожих дурил,
из «Бродячей собаки» толпой выходили поэты.
Кто-то в рифму читал про надежных друзей и подруг,
кто-то слушал восторженно, радостью чувства встречая.
На огромной длины поводке чей-то преданный друг
бороздил по кустам, как обычно маршрут помечая.

IX

Когда под утренний туман пробился миг восхода солнца,
и невский воздух распрощался с гудком последним корабля,
Он отворил в огромный мир свое мансардное оконце
и обнаружил в перспективе, что белым светится земля.
Позавтракав в кафе омлетом, взбодрившись черным, крепким чаем,
Он в чисто вымытый троллейбус на первой линии влетел.
Три поливальные машины, все понимания за краем
оставив... мыли мыльной пеной асфальт до блеска — он блестел.
Кораблик на Адмиралтействе поймал нитеобразный лучик
под парус, золоченым боком его лениво отразил.
Сломался луч, на правый берег, используя удобный случай,
перелетел, вскочил в троллейбус... Его внезапно ослепил.

X

Она кораблик развернула, во сне кружась над острой шпагой,
луч переправила к фонтану, разбила в радугу над ним.
Спустилась... сон с себя стряхнула, умылась разноцветной влагой
и стала молча ждать свиданья... как договаривалась с Ним.
Они гуляли по дорожкам... Он не решился снова ставить
вопрос под сенью сна деревьев... Остановились у Петра.
Могучий конь терзал копытом змею, готовую ужалить
Петр руку простирал над миром и суетой забот утра.
— Тому, кто смог в меня войти, обратно в мир уже не выйти!
Готов пожертвовать свободой? Покой оставить навсегда?
Он без смущения, серьезно, остерегаясь мыслей прыти,
ответил, взглядом улыбнувшись: — Готов, конечно! — Значит, да!

XI

Кто пережил мгновенья счастья, тот знает, как это бывает...
как убыстрятся ток крови, и частым делается пульс.
Как над землей, забыв про тело, душа распахнутой взлетает
и где-то там, под облаками, трепещет на ветру, как гюйс.

Кто без сомнений согласился на путь труднейший и тревожный,
готов в неведомом, далеком искать поэзий жемчуга...
тот должен помнить — из историй — закон, как будто непреложный:
играя в неземное счастье, жди козней на земле врага.
Он не заметил, как злорадство преобразило глаз змеиный,
как камень-гром заколебался, и Петр привстал на стремянах,
как изменились птиц движенья и говор сонный голубиный,
как задрожали в окнах тени, и смял траву холодный страх...
Они взлетели над Сенатской, достигли высоты зенита,
вниз с восхищением всмотрелись — в любимый городской простор.
Их окружала, не рифмуясь, свободных рифм большая свита...
Он записал на тверди неба любви жестокий приговор.

XII

Санкт-Петербурга эволюций не обойти вниманьем прессе.
Он то лиричен, то логичен, то театрально-простоват,
То он бунтарь с тяжелым шагом, то легок в самом легком весе...
И скромненький до уничиженья, когда ему кричат: Виват!
Всю ночь под рынды караванов хор иностранных интонаций
ему пытался под давленьем чужие воли навязать.
Он на Неве за три столетия провел так много навигаций,
что не боялся быть собою... и никому не подражать.
Мост Большеохтинский под утро, свой разводной пролет устроив
в горизонтальном положении, собой два берега связал.
Хрусталь воздушных ожерелий, в воде пространственно удвоив
он слово — не учтя советов — о городе свое сказал.

XIII

Родился текст большой поэмы... Она перечитала дважды,
сказала — что не так, где плохо, что нужно править, что менять.
Он, одержимый вдохновением, томимый стихотворной жаждой
писал еще — она читала... Как в этом состоянии спать?
А город спал, перед рассветом совсем по-детски безмятежно...
Лишь огоньки такси мелькали, день к ночи приближая... Не
спалось десятерым атлантам, держащим небеса прилежно
уже не первый век... Дремала река в туманной пелене.
Он, наконец, устал... сложились листы фантазий, ночь сомлела,
с пера в чернильницу слетели две капли призрачных чернил.
Она чернильницу закрыла, его своим теплом согрела.
Уснула тоже... На востоке в полоску неба день светил.

XIV

Театра явь вечерним ветром сдувает пыль души дневную,
острит притушенные чувства, сознания убыстряет бег.
Театр уводит в перспективу — пространственную, временную,
грустит и плачет, веселится, мечтает громко, любит всех...
Антракт... Она осталась в зале, Он вышел покурить один —
Стоял-мечтал, искал знакомых, лепнину изучал в фойе...
Заметил, как из темной ложи на свет явился господин,
одетый по последней моде, в известном всеми ателье.
Франт подошел, склонился к уху, как заговорщик зашептал:
— Я ваш! Вы дивный мастер слов поэтических игры!
Я не поклонник Каллиопы, но плакал, когда вас читал!
Я в высший свет вас проведу... хоть в королевские дворы!

XV

Он молча слушал незнакомца — глазам, ушам своим не верил,
Морозом жгучим спину, плечи сковал животный, липкий страх.
В зрачках врага — как в бездну ада — двойные открывались двери...

Он мял программку постановки, как будто не в своих руках.
Франт ждал решения поэта... Навязчивый и не свободный
третий звонок звенел, звенел... но был совсем не слышен им.
Дрожа в коленях, покрасневшись — как человек совсем безродный —
кивнул в согласии поэт... Соблазн могуч, непобедим!
Себя одернув,— как от беса — он отскочил от театрала,
сказал: — Не нужно, это лишне... Надеюсь, вы меня простите?
Враг снова с приступом — открылся, сорвал с лица свое забрало.
— Моя визитка с телефоном... Не тороплю... Пока... Звоните!

XVI

В подсветке Невский театрален — как продолжение балета,
Здесь ароматы впечатлений свиваются в один букет.
Он изменился в этот вечер — возжаждал славы, звезд и света,
который высшим назывался, хоть в нем совсем ничтожный свет.
Она, конечно, постаралась Его настроя не заметить...
вела себя непринужденно, укрылась в головную боль.
Ей стоило больших усилий холодный взгляд любимых встретить
глаз... и войти искусно в, без чувства греющего, роль.
А Невский жил красивой жизнью — не уставал, не засыпая...
Неон реклам с неонам спорил преуспевающих витрин...
Машины шли, играя в фары, зевак ленивых подгоняя...
Бравурной музыкой прохожих звал каждый модный магазин.

XVII

Кто белой ночью не влюблялся в свет, исходящий отовсюду,
в мерцающий, воздушный абрис Александрийского столпа,
в свечение сквозь ткани неба едва заметных звезд... и в чудо
преображения пространства, когда на мрак земля скупа?

Кто не желал душой открыться и свет в себя впустить, вдыхая
прохладный воздух, над Невою струящийся из-под зари?
Кто не любил сидеть на камне, ногами, как пацан, болтая.
Жалеть о том, что зря при свете горят ночные фонари?
Она уставшая бродила всю ночь по набережным сонным,
стояла у воды, пыталась связать любовью берега.
Она как мать Его любила... Выстраивала бастионы
защиты от нападок дерзких, злом одержимого врага.

XVIII

Слова неслись метельным вихрем, Он сочинял, не сочиняя.
Слова цеплялись за бумагу и исчезали в пустоте...
Он, не спеша, не паникуя, свободы слов не умаляя,
писал о горе человечьем и неисполненной мечте.
Еще писал о высшем счастье, которое любовь сулила,
о долге, преданности, славе... о достижениях в борьбе.
Луна холодной зимней тайной Его безудержно манила.

Он верил в свои силы, знаки, пророчества... своей судьбе.
Его открытиям успешным не уставали удивляться
филологи, искусствоведы, поэты, критики и проч.
Восторгом публики согретый, Он был готов не расставаться
с пером, свечой, окном, бумагой... Боготворил луну и ночь.

XIX

Он победил болезни сердца и светом был с триумфом встречен —
о нем писали и судили, в эфиры звали и в кино,
считались с мнением, просили писать еще... Неужто вечным
стал временный союз со славой?... Им было все поглощено.
Свет возносил Его над миром... Над крышами и куполами,
над ангелом на тонком шпиле, над телебашней городской.
Льстил тайно в мыслях и публично, играя ложными словами,
лишил его опоры веры, разрушил нравственный покой.
Он засыпал и просыпался с глубоким чувством оправдания
своих поступков, планов, стиля, холодной логики игры.
Она все видела, стремилась разбить внушенные желания,
он, защищаясь сторонился, в чужие забегал дворы.
Она не предала... С упорством, прессируя время перед встречей,
вела домашнее хозяйство, хранила рукописей свет.
Он приходил... обедал молча — не посвящал любимой вечер.
Писал стихи, как будто с нею не прожил трех счастливых лет.

XX

В один из дней, когда осенний спускается на землю холод,
когда листвою заносит быстро вдвоем пройденные пути,
Он вышел рано без напутствий, не утолив с любимой голод...
Вернулся поздно — пыльным, пьяным — и попросил ее уйти.
Она ушла... Как может дама себя навязывать кому-то?
Хоть даже родственному сердцу... Ушла ногами — не душой.
Осталась рядом... невидимой. Чтобы помочь ему... Как будто
предвидела, что будет трудно... Разлука кажется простой.
Она любила и страдала, хотело колесо фортуны
вспять раскрутить, чтобы вернуться обратно к счастью без измен.
Он с головой ушел в себя, не узнавал соседей... Струны
его души не пели — ныли... Он не заметил перемен.

XXI

Как быстро проигралась осень... бежит дорожка временная,
торопится успеть повсюду в заботах суетных народ.
Еще недавно расцветала черемуха в прохладах мая,
и вот уже октябрь прохладой упавший лист к газону жмет.
На лужах по утрам хрустящий — узорный, но не прочный — панцирь,
на ветках белоснежный иней — кристаллы солнечных лучей.
Прозрачный воздух чист до рези, и не зависит от дистанций
картинок четкость... Тлеют в окнах закатов тысячи свечей.

В стоячих водах отражения багряных кленов, серых ив
небес сменились отражением, запутанных в сетях ветвей.
В пруду Таврического сада остались зимовать, забыв
о теплом юге сотни уток... под взглядом местных голубей.
Она любила это время — предзимье, первые морозы,
бродила молча по дорожкам, бросала уткам сухари.
Конечно, без Него страдала, и волей сдерживая слезы,
ждала мгновенья — с темной грустью — когда зажгутся фонари.

XXII

Во сне гремели пушки гулко, дымки стелились над рекою,
на набережных музыканты творили музыку без слов.
Дыша морями, осторожно, скользя зеркальной водою
в Неву входил — как птица-лебедь — огромный парусник «Седов».
На реях юные матросы, летя над городом портовым,
фалы вязали, без страховки... и убирали паруса.
Барк ждали женщины, девчонки, отцы, друзья... Каким-то новым
он вновь зашел в столичный город. Пробили склянки полчаса.
Он встретил парусник в VIP-зоне, поймал его в видеокамеру
немецкой марки аппарата, нарисовал фото-портрет.
Один старейший, знаменитый, приятный на лицо писатель,
схватив Его рукой под локоть, торжественно увел в буфет.

XXIII

Там они выпили, вкусили заморских устриц и кальмара,
за город тосты возглашали и за бесстрашных моряков...
Затем ушли, забыв о барке, чтоб на скамеечке бульвара
поговорить о точных рифмах, о действии на свет стихов.
Поговорили, помечтали, по сигарете раскурили...
и разошлись, не обозначив ни действий, ни рифмовых сил.
Кварталы центра с ветром моря давно безудержно дружили,
приветливо встречали друга... Он чистоту с собой носил.
Сдувал с проспектов и бульваров автомобильный едкий смог,
свежил Санкт-Петербургский воздух, рябил широкую Неву,
в дни праздников играл флажками... и флагами большими мог.
Любил ласкать кварталов крыши, и в скверах редкую траву.
Он против ветра шел по пирсу, у Крузенштерна задержался,
в лицо всмотрелся адмиралу... Плащ хлопал полами, как флаг.
Зюйд-вест его насквозь продул... Он, наконец, себе признался,
что власть над ним незримо держит упрямый и надменный враг.
По линиям, делящим остров на одинаковые доли,
бродил он до луны восхода... К Неве вернулся — ветром стал...
Причальной стенкой пролетая и подчиняясь высшей воле,
решил искать то, что когда-то в порыве страсти потерял.

XXIV

Как много в Петербурге башен! Больших и маленьких... и средних...
Как часто солнце задевает какой-нибудь на башне шпиль...

Венчают башни перспективы широкие проспектов древних,
встречают первыми ненастья, и обожают полный штить.
Под башней Думы можно думать, троллейбус взглядом провожая.
Под башней Водного музея толкает бочку водовоз.
Под башней Финского вокзала, об окаянных днях вздыхая,
в стеклянной призме просыпаясь, тоскует старый паровоз.
Его мансарда тоже с башней — пространства сильной доминантой.
Шпиль, словно пика, жить без неба не может — нечего колотить.
Под окнами в рельефах лепки висят красивою гирляндой
дубовые листья и маски, кирпичную скрывая плоть.
Она пришла под эту башню, чтобы помочь ему проснуться.
Наверх подняться не посмела, лишь постояла у дверей.
Взлетела в небо, чтобы ветру спасительному улыбнуться.
Он, вычищенный этим ветром, был всяких недругов сильней.

XXV

Снег выпал... Городское время вмиг стало чистым, серебристым —
на белых плоскостях пространства чернеет графика ветвей.
Он в Летний сад забрел случайно, дыша морозом золотистым,
остановился у решетки, как у — в прекрасное — дверей.
По снежным — в сводах крон — аллеям взгляд пробивался к перспективам
далеких регулярных парков, французских подзабытых школ.
Он стал бродить, взбивать ногами снег, тихо следуя мотивам
боскетов, арок, пергол длинных... к Крылову медленно пришел.
Присыпанные снегом чаши барочных шахматных фонтанов,
вновь заколоченные в доски богов скульптуры и богинь
будили чувства отчуждения эстетов, красоты гурманов...
Он всматривался через ветки в космическую неба синь.

XXVI

Грозой разорванная ваза стояла вновь на постаменте —
не могут люди согласиться с уничтожением красоты.
Решетка сада ограждала — подобная узорной ленте —
часть обработанной природы от петербургской суеты.
В Михайловском душили Павла шарфом, под царской монограммой...
Не помогли ни ров с водою, ни факелы гвардейских рот.
Царь умер, чтобы силуэтом являться в окнах, под охраной
потусторонних сил... мальтийский законов утверждая свод.
Она скользнула тенью замка, монетой Чижика отметив...
Цирк звал ее войти огнями электросветовых афиш,
Манеж был строже... на Кленовой ее как будто не заметив,
вручил входной билет на вечер известного «поэта крыш».

XXVII

Он тихо спал, бесшумный Ангел слетел в его мансарду тайно,
устроился у изголовья, сложил — встряхнувши — два крыла,
вошел в его глубокий сон и прошептал, как бы случайно,

слова о скором примирении — которого Она ждала.
Как ей вернуться без призыва? Навязчивость не красит чувства.
Какими добрыми словами размолвку злую одолеть?
Шептал об этом Ангел тоже — его великое искусство
воздействия на ум способно заставить душу просветлеть.
Звонок будильника принудил Его открыть глаза, проснуться...
Он встал, упруго потянулся, взглянул в окно, увидел свет.
Санкт-Петербург хотел дымами замерзших облаков коснуться —
их отогреть... Он ждал подарков, наряжен был и придет.

XXVIII

Поэтический сон — на заснеженных крышах столетий...
Удивительный сон — из кристаллов искристого льда.
Петербург — это северный город холодных соцветий
мыслей, чувств, настроений... Сильна его воля, тверда!
Он не пустит на сцены бездарных и пошлых актеров.
Галерей не откроет пустым и холодным холстам.
Не позволит застроить себя без общественных споров.
Не изменит сияющим в солнечном ветре узорным крестам.
Новый год подошел незаметно, без помпы и шума —
как обычное дело... По белым полям площадей
разослав часовых, разукрасила старая дума
башню в робкое кружево белых и синих огней.
Елка выросла снова у здания Главного штаба...
Шесть коней колесницу несут в новогоднюю даль.
Предрагосветный, морозный покой... Просыпается снежная баба,
кто-то бросил на плечи ее серебристую снежную шаль.

XXIX

На Рождество к собору Лавры они пришли скрипучим снегом...
Как много собралось людей... Родился Бог — народ ликует!
В храме поют, горят лампы, слова молитв неспешным бегом
слетают с уст... иконы в рамах огнем таинственным бликуют.
Они вошли в соборный разум, всю службу радостно пропели...
затем — Причастия Таинство... и целование руки.
За окнами на голых ветках вороны черные сидели —
не принимая веры в Бога — как старые большевики.
Рожденный Бог законы жизни в жизнь верных Богу воплощая,
внимал речам и поздравлениям, любил людей и их дела...
Он снова, уж в который раз, всем открывал ворота рая,
к ним по затоптанному снегу дорожка узкая вела.

XXX

Февральская метель кружила и останавливала время —
все перепуталось, играла ночная тень в дня белый свет.
Проспекты, площади, проулки свились в клубок... раздора семя
метель по свету разносила, мешала «да» со словом «нет».

В холодном вихре из снежинок, колочих и на все готовых,
сложился вдруг зловещий прищур, готового на все врага.
Он и Она, не испугавшись, с ним обошлись без участковых...
Он был решителен и ловок, Она — спокойна и строга.
Он применение насилия, не исключив из противления,
на злобный лоб печать поставил с коротким, емким словом «зло».
Чтобы о сущности врага, не допуская в ум сомнения
все узнавали сразу... чтобы добро росло врагу назло.
Метель лишилась сил, пространство над городом освободилось
от переменных настроений — пришло покоя торжество.
У храма Спаса на Крови ему и ей как будто снилось
чужое время, взрыв, карета... душ верноподанных родство.

XXXI

Санкт-Петербург, сияя славой, встречал весну любви — ликуя!
Дворцов искрящиеся окна, за стеклами — свечения люстр...
Решетки музыкой звенели... Пегасы, у дворцов гарцуя,
из камня выбивали рифмы... Плясали музы всех искусств.
Невой широкой проносились весенние, густые ветры,
делясь избытком силы жизни, будя дремавшие мосты...
Дома распахивали двери... такси мотали километры,
стремясь всем любящим доставить — к порогам — первые цветы.
Трамваи закружились в танго, сойдя с проторенных дорожек,
им дирижировало небо лучами солнечных высот...
Прохожие снимали шапки, скамьи стучали сталью ножек,
ритм отбивая... пели дети. Он облачился в редингот...

XXXII

Готовый к скачке между шпилей и куполов столичных храмов,
с известием — с рожком почтовым — о наступающей весне.
Она задорно хохотала, забыв про боль недавних шрамов —
рубцов оставленных на сердце в добра и недобра войне.
Сон Питера разлился в воды рек и оттаявших каналов,
спиралью ввинчиваясь в небо, раздвинул ткани облаков...
Затих над Северной Пальмирой... Спускался во дворы кварталов,
стремясь покоя не нарушить трех бурно прожитых веков.

XXXIII

Таинственный мерцания шепот огней и зыбких отражений
стихал совсем, когда касался Невы холодный лунный свет.
Ночь, поэтической волей сотканная из искр-мгновений,
текла по круглой тверди неба, в обход проснувшихся планет.
Санкт-Петербург не ждал восстаний, погромов, новых революций,
не верил ложным обещаниям политиков... и всяких там...
Умом и верою рожденный, вне вихря мысли эволюций
себя не видел... жил культурой, был мудр не по своим годам.
Встрягнувшись от прохладной дремы и свету неба открываясь

великий город кровь по венам артерий-улиц разогнал.
Трамваи рысью побежали по звонким мостовым... Не знаясь
с автобусом, пустой троллейбус сигнал приветствия подал.

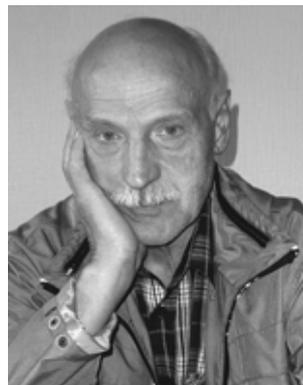
XXXIV

Все заспешили... На работу, по магазинам, на вокзалы —
встречать и провожать знакомых, командировочных, друзей...
Торжественных дождались тостов заиндевшие бокалы —
на свадьбах, шумных юбилеях, под шелест рифм в сердцах людей.
Сон кончился... Явь просочилась сквозь силуэтов зыбких грани,
вступили в силу — утвердившись — законы светового дня.
Трепал балтийский ветер флаги, покой — перед рассветом — рани
не интересен стал... Минуты росли, секундами звеня.
В воспоминаниях лишь только остались: сонная мансарда,
Его стихи, Ее страдания, их на двоих один маршрут,
Санкт-Петербургские погоды, клены Таврического сада,
дворцы, дома, проспекты, кони, решетки... Смольный институт.

Валерий Бутов

(с. Бессоновка, Пензенская область)

Родился в с. Песчаное Павлодарской обл. Окончил Пермское военное училище и юридический факультет Казахского ун-та. Участник событий Карибского кризиса 1962 г., воин-интернационалист. Автор более двадцати книг стихов и прозы для взрослых и детей. Награжден 24 государственными и ведомственными орденами и медалями. Член СЖ и СП России, член АРЛ.

В ПОЛЕТЕ

Сковородкой раскаленной
Лег внизу аэродром.
Широко и отдаленно
Прокатился длинный гром.
Гром поехал вместе с нами.
Он рождается внутри
Туго сжатыми огнями
Ярой рвущейся зари.
Вот качнулся под крылами
Точный города макет.
Над снегами — облаками
Обнаженный солнца свет.
Муравьями — человечки,
Стрелы тонкие дорог,
Ленты вьющиеся — речки,
Да грибочком — сена стог.
Словно школьные тетрадки,
Разлинованы поля,
И страна пред нами краткой
Новизною букваря.

ИЮЛЬ

Через поле, через дом,
через лес и речку
семицветною дугой
небеса расцвечены
и промыты, как стекло,
летним быстрым ливнем,

от которого тепло
от земли обильней.
Острроверхие леса
зеленее кажутся.
Поклонились небесам
травы в мокрой тяжести.
И подсолнухи склоняют
головы тяжелые.
Дуб с достоинством роняет
капли, словно желуди.
Хор лесной многоголос,
а в речной запруде
промывают шелк волос
девки гологрудые.

РЕЧКА ТЕПЛУХА

Речка малая Теплуха
Не длинна, не глубока...
Здесь полощет плат старуха
И увидишь рыбака.
Ребятня, как лягушата,
Летом в иле, на песке
И родители спешат к ним
Без тревоги налегке.
Взрослый дядя, «разогретый»...
Солнцем, дружбой и вином,
Раз — одетый, два — раздетый,
Три — подлодкой лег на дно.
Сполоснуться, окунуться,
Растянуться в кураже,
Позабиться и проснуться
С тихой радостью в душе.
Ох, Теплуха! Ах — Отрада!
В зной и в сумрачные дни
Ты как малая награда
От родимой стороны.
Мы порой не понимаем —
Так события странны...
Ты же — Родина родная,
Часть великая страны.

БАЛЛАДА ОБ АРТИЛЛЕРИСТЕ

Отплюнута, дымилась гильза —
Последняя. И нет гранат.
И нет патрона, чтобы жизнью
Распорядился сам солдат.
Но подняла святая злоба,
И он пошел навстречу так,
Как будто собственному гробу...
С паучьей свастикою танк

Полз, грохоча железом-сталью.
Полз и смертельно жалил в грудь,
Рычал, и содрогаться стали
Деревья-смертники вокруг.
Но шел солдат и грудь дымилась,
Как у весенних теплых пашен,
Ему земля давала силы.
Он шел. И взгляд его был страшен.
Схлестнулись взгляды — щелки глаз,
Стальные, вздрогнув, задрожали.
Взревел мотор и сбросил газ,
И траки, лязгнув, разом встали.
Стоял солдат бескровно-серый,
но — ярость, мужество в глазах!
И тяги дрогнули, как нервы.
И танк — попятился назад.
Танк пятился. Он в диком страхе
Рванул, гремя железом лат.
И лишь тогда, качнувшись, с маху
Упал
Лицом вперед
Солдат!

О РОДИНЕ

Может, есть просторы краше,
Небо выше и синей,
И забор «о, кей» покрашен,
Экономика сильней,
Каждый клочок земли ухожен.
Автобаны — ровный стол...
Знаю — все это мы сможем,
Даже лучше. Будет толк...
Надо только труд народный
Оценить и оплатить,
На земле плодородной
Урожай самим растить,
Чтоб достойная зарплата,
Чтобы в каждый дом — добро,
Чтоб продукты и товары
Не «лепили» за «бугром».
Есть в народе работяги
И умельцы, и умы.
Гордо реют наши флаги
Над просторами страны.
Станут вновь просторы краше,
Небо — выше и синей
Над родной страной нашей,
Коль заботы все о ней,
О родной стране любимой —
Клятой, но непобедимой.

Валерий Акимов
(г. Нижневартовск, Тюменская область)

Наш постоянный автор.

ФРОНТОВИКИ

Они всегда шагали напролом,
В еде так и остались негурманы,
Предпочитая рюмкам за столом
Советские, граненые стаканы.

Не потеряв солдатского лица,
Прошли с боями рубежи и страны,
И дружбой дорожили до конца,
И верили на слово ветераны.

С открытою душой к чужой беде,
Земная соль и лучшее в народе...
Вся жизнь прошла в заботах и труде,
В тяжелом, нескончаемом походе.

Измерить их — таких не сыщешь мер,
Что двадцать первый век еще не скомкал.
Для нас — неподражаемый пример,
И надо говорить о них потомкам!

* * *

Старик не спешил — все уже позади,
И взор его занят был далью.
И орден висел на иссохшей груди,
Краснел потемневшей эмалью.

И глядя на тусклые эти лучи,
Спросил ветерана я свойски,
За что, мол, папаша, звезду получил,
Видать, воевал ты геройски?

Ответил не сразу, а выпустив дым:
Во мне ты не сыщешь кумира,
А просто тогда я остался живым
В боях у руин Сандомира.

* * *

«В разведке — всю войну. И уцелел,
Ниспослана мне божеская милость.
Я верой в коммунизм переболел,
А нынче что-то с памятью случилось.

Не помню я добытых «языков»,
Казалось, что отмучился войною,
Но в сумраке квартиры из углов
Глядят глаза врагов, убитых мною.

Теперь на суд я сам себя обрек.
И сердце от обиды колко сжалось:
Во взглядах их — не боль и не упрек,
А только обижающая жалость».

ГОРЕЧЬ

Старит жизнь с постоянством,
Но еще я тружусь,
Не кичусь ветеранством,
А прошедшим горжусь.

В страшной той круговерти
Через пламя и дым
Доходил я до смерти
И остался живым.

Но тужу, что не сгинул
И прошел сквозь бои,
Ведь сейчас бьют мне в спину
Эти, как бы свои.

НАГРАДА

Пусть фронтовые будни-были
Смешались все в один комок,
Но как впервые наградили,
Забывать уже никто не мог.

Все получилось без шаблона
И не подводит память-трал:
Солдат второго эшелона
Проверил бравый генерал.

И встали мы, как для парада,
А голос будто бы поет:
«Те, кто с раненьем, без награды —
Из строя два шага вперед!»

Не тратя время и бумагу,
Но дань солдатам отдана:
Для всех — медали «За отвагу»,
Кто дважды ранен — ордена!

Я выжил, как заговоренный,
Военным прошлым дорожу,
Неоднократно награжденный,
С той самой «звездочкой» хожу.

Анатолий Арестов
(г. Рубцовск, Алтайский край)

Анатолий Арестов родился в Рубцовске Алтайского края. Учился в Пензенской государственной сельскохозяйственной академии. Публиковался в изданиях местного и всероссийского уровней.

НА ЦЕЛИНУ!

Пятьдесят четвертый год. На целину
эшелон, с коптящим в небо паровозом,
еле-еле, еле-еле, еле... Ну!
Отправляется, как в старину, обозом
с молодыми и горячими сердцами
покорить неведомый простор степи:
«Чернозема плоть мы перепашем сами!
Перепашем новым плугом, потерпи!»
Хирургическим разрезом борозда,
вот вторая, рядом третья... сто шестая...
Прибывают с тракторами поезда
на конечную потерянного рая!

ДЕРЕВЕНСКИЙ ЧЕРДАК

Темный чердак обдавал теплотой,
травы, коренья висели гурьбой:
связаны крепко листья малины,
легкое кружево свил паутины
мелкий паук — чердачный хозяин,
черный шиповник разлегся, как барин,
в тихом углу, на газете сухой.
Запах дурманит, наводит покой!
Доски прогрелись смолою янтарной,
рядом, под крышей, с видом товарным
ждал девясил и ромашек цветы.
Падал таинственно вглубь темноты
луч одинокий — желтой дорожкой,
пыль пролетала маленькой мошкой
и покидала солнечный путь.

Корни нагонят мрачную жуть —
щупальцы грозные страшно черны —
старый лопух залежался с весны.
Темный чердак, словно аптека,—
кладезь здорового, долгого века,
прячет рецепты седой старины —
травы лечебные — бабушкины!

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА В СТЕПИ

Бескрайняя степь — гравийная насыпь,
железной дороги шпальный приют.
Ковыльное царство — пушистая россыпь,
пристанище птиц, что вольно поют.

Ветер рябит, налетая украдкой,
пену ковыльную яростно бьет.
Шпальной дороги в линейку тетрадку
черными каплями съел креозот.

Тихая жизнь под небесным пологом
снова нарушена ходом вещей —
поезд прошел грузовым диалогом,
криком чугунным о тяжесть камней.

Тише и тише становится скрежет
(шум уносился в далекий провал).
Шепчет ковыль долгожданное: «Где же?
Где тишина? Кто ее своровал?»

* * *

Рассвет рассек лучами небо,
Залил прибрежный островок
Любовью солнца откровенной,
Забытый всеми уголок.

На остров каменно-пустынный,
Где мох стелился, как ковер,
Старик приплыл на лодке дивной,
Что ни доска, то дыр узор.

Годами долгими он строил
Избу на тихом островке.
Для тысяч сделался героем,
Героем скрылся он во тьме...

